

Язык
древнеславянской
проповеди:
неординарность
глагольной
морфологии в
гомилиях Кирилла
Туровского*

Old Slavic Sermon
Language: The
Extraordinary
Nature of Verb
Morphology in
Cyril Turovskij's
Homilies

**Олег Феофанович
Жолобов**

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Казань, Россия

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga Region) Federal
University
Kazan, Russia

Резюме

В статье впервые подробно рассматривается функционирование ряда глагольных словоформ в проповедях древнерусского церковного писателя второй половины XII века Кирилла Туровского по самой ранней рукописи, в которой они сохранились, — Толстовскому сборнику второй половины XIII века. Поскольку проповеди Кирилла Туровского обращены к широкому кругу слушателей и читателей, они должны были опираться на понятные и привычные языковые формы, сохраняя вместе с тем связь с книжной литературой. Это проявилось в значительной русификации книжного языка. В статье выявлены такие особенности языка проповедей Кирилла Туровского, как наиболее ранние случаи широкого использования настоящего исторического; исключительное употребление аористов с дополнительным окончанием типа *начатъ*; особый

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ/РГНФ (проект 15-04-00283).

функциональный и синтаксический характер употребления аориста *ръша*; необычно широкое употребление аористов и имперфектов во 2-м лице единственного числа; употребление перфективных имперфектов и имперфектов с дополнительным окончанием; проспективное, футуральное и модальное функционирование перефразических форм со вспомогательным глаголом *хошю*; особые случаи использования словоформ императива первого лица множественного числа; особый характер рефлексивной энклитики *-ся*; неординарная дистрибуция форм сложных претеритов. Отмечается близость функционирования ряда глагольных словоформ в проповедях Кирилла Туровского и в “Слове о полку Игореве”, а также в начальной летописи, раннедревнерусских переводах и паримейнике.

Ключевые слова

проповеди, старославянский язык, древнерусский язык, морфология глагола, неординарная природа, Кирилл Туровский, “Слово о полку Игореве”

Abstract

The article's subject matter—verbs functioning in the sermons of the Old Russian church writer Cyril Turovskij (second half of the 12th century)—is considered in details for the first time on the basis of the earliest source, *Tolstovskij Sbornik* (second half of the 13th century). Since Cyril's sermons were addressed to a wide range of listeners and readers they had to be based on intelligible and simple language forms that also preserved a connection with literary standards. This manifested itself in the significant Russification of the preaching language. The article describes the following features of the language of Cyril's sermons: the earliest and widespread usage of “praesens historicum”; the exclusive usage of aorist forms with additional endings (*načętv* type); the special functional and syntactic nature of the aorist *rěšę*; the unusually wide usage of 2 Sg. aorist and imperfect forms; the usage of perfective imperfect forms and imperfects with additional endings; the prospective future tense and modal functioning of the paraphrastic forms with the auxiliary verb *хоščę*; special cases of 1 Pl. imperatives usage; the special character of the reflexive enclitic *se*; and the extraordinary distribution of periphrastic preterits forms. Some similarity of verbs functioning in Cyril's homilies and *The Tale of Igor's Campaign* is detected as well as in the original Chronicle, early Old Russian translations, and Paroemiaron.

Keywords

homilies, Old Church Slavonic, Old Russian, verb forms, extraordinary nature, Cyril Turovskij, *Tale of Igor's Campaign*

Общие сведения и положения

Проповедь занимает особое место в христианской культуре — по существу это ее квинтэссенция и архетип [Левшун 2001: 107]. Кирилл Туровский — церковный и литературный деятель раннедревнерусского периода, второй половины XII века, с именем которого связаны наиболее

яркие ранние образцы проповедничества. В. П. Виноградов — один из лучших специалистов по истории учительско-уставной литературы, рассматривая зависимость Кирилла Туровского от внешних источников, приходит к следующему выводу:

Слѣдуя при построении своего слова творению Григорія Богослова, Кирилль ярко проявляетъ характерныя свойства своего проповѣдническаго творчества. Вращаясь въ кругѣ идей своего прототипа, Кирилль беретъ ихъ только въ ихъ самомъ общемъ видѣ, давая имъ собственное самостоятельное развитие и особый отгѣнокъ; заимствуя форму или букву, онъ вдохновляетъ ихъ собственными идеями. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Кирилль пытается свести все къ созданію единого, целаго произведенія по собственному плану [Виноградов 1915: 115].

Обращаясь к Кирилловой проповеди на Фомину Неделю, В. П. Виноградов отмечает:

Исходнымъ и центральнымъ пунктомъ своей постройки Кирилль кладетъ текстъ изъ апостола, заимствованный у Григорія [Богослова. — О. Ж.]: днесь “ветхая конецъ пріяша и се быша вся нова”, с дополненіемъ, соотвѣтственно главной идеѣ постройки: “видимая и невидимая”. У Григорія былъ раскрытъ только первый терминъ “видимая”, Кирилль хочетъ дополнить и раскрытіемъ другого — “и невидимая” [Виноградов 1915: 108–109].

В. П. Виноградов [1915: 109] приводит поразительные примеры трансформации заимствованного у Григория Богослова текста, как, например, в этом случае:

Григорій
Нынѣ солнце высочайшо, и
златовиднѣйшо,

Кирилль
Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ
восходитъ и радуся землю огрѣваетъ:
взыде бо праведное солнце отъ гроба
Христось и вся вѣрующая къ нему
спасаетъ.

“Видимая” картина обновленного качества у Григория Богослова под пером Кирилла Туровского разрастается вширь расширением предикаций “видимого”, но и достраивается предикациями “невидимого”. Эта трансформирующая энергия заимствования, глубокая переработка исходного образца — коренная черта начиная с самых ранних примеров оригинальной литературы в Древней Руси.

Творчеству Кирилла Туровского посвящено немало работ, главным предметом которых было исследование стиля писателя (см., в частности, дополнение к библиографии, представленной у О. В. Творогова [1987]: [Двинятин 1996; Рогачевская 1999: 47–83; Трапезникова 2011;

ЧЕРТОРИЦКАЯ 1984]). В последнее время богатое литературное наследие Кирилла Туровского получило текстологическое описание в работах Г. С. БАРАНКОВОЙ [2010] и И. И. МАКЕЕВОЙ [БАРАНКОВА, МАКЕЕВА 2013]. Г. С. БАРАНКОВА [2017] отдельно останавливается на обилии толкований, обогащенных разнообразными деталями, иносказательности и диалогичности как манере Кирилла-писателя. Вместе с тем полновесное категориально-грамматическое изучение языка проповедей не предпринималось, а значит, в лингвистическом отношении проповедничество Кирилла Туровского остается белым пятном в истории русской словесности. Вместе с тем, ввиду включения грамматической системы в художественный строй и тонкую разработку сферы грамматики, шедевры раннедревнерусской литературы могут дать едва ли не лучшее представление о функционировании грамматических форм, чем какие-либо другие памятники письменности.

В дальнейшем изложении мы остановимся на функционировании ряда единиц глагольной системы, которые, с одной стороны, являются фактом определенного этапа в истории книжно-литературного языка, а с другой — позволяют составить представление об узуальных формах живого языка. Функционирование глагольных форм рассматривается на фоне ряда источников, в том числе инославянских. В статье учитывается не весь свод сочинений Кирилла, поскольку он дошел во множестве разновременных и варьирующихся списков, а материал шести проповедей, которые вошли в самый ранний из сохранившихся сборников с ними, — Толстовский сборник второй половины XIII века (далее — *СбТол XIII*₂). Ввиду древности сборника можно предполагать большую близость кирилловых Слов и Поучений из сборника оригиналу. Данная рукопись не издана¹. В Казанском университете ведется подготовка “машиночитаемого” интернет-издания рукописи, которое будет включено в Казанскую электронную коллекцию славяно-русских памятников письменности XII–XIV веков [МАНУСКРИПТ 2004–2017]. При сплошной выборке форм в данном исследовании использовалась фотокопия рукописи.

В *СбТол XIII*₂ были включены следующие проповеди Кирилла Туровского в соответствии с их заглавиями: 1) в Неделю Фомину (л. 1–5 об., без начала); 2) Слово о снятии тела Христова с креста, мироносицах, похвала Иосифу, в Неделю третью по Пасхе (л. 5 об.–16); 3) Слово о расслабленном, в Неделю четвертую по Пасхе (л. 16–23); 4) Поучение в Неделю пятую по Пасхе (л. 23–25); 5) Слово о слепце, в Неделю шестую по Пасхе (л. 25–32); 6) Слово на Вознесение Господне, в четверток шестой Недели по Пасхе, о воскрешении Адама (л. 32–37 об.); 7) Слово на

¹ Существует давнее издание Слов по сборникам XIV века [Сухомлинов 1858], материал которого использован в “Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)”.

Собор трехсот восемнадцати святых отцов, похвала отцам Никейского собора, в Неделю перед Пятидесятницей (л. 37 об.–46); 8) Поучение на Пятидесятнице (л. 46–48) (с уточнениями и исправлениями по сравнению с [Сводный каталог 1984: 324]). Предполагается, что принадлежность двух Поучений в сборнике Кириллу не может считаться бесспорной (под номерами 4 и 8). Они, однако, имеют малый объем и никак не влияют на дальнейшее изложение и итоговые выводы. В отличие от этих двух поучений, остальные Слова занимают большое текстовое пространство и отличаются разнообразием глагольных единиц. Будучи проповедями, связанными с определенными днями церковного календаря и богослужения, они обращены к пастве и по этой причине в той или иной степени отражают элементы гибридного языкового регистра, поскольку включают как общеславянские, так и восточнославянские формы.

Художественное открытие Кирилла и заключается в самом раннем в истории русского литературного языка и весьма последовательном сближении двух языковых стихий — церковнославянской и русской, в чрезвычайно тонком понимании их специфики и пределов использования в художественной речи [Колесов 1981: 38].

Мы склонны видеть в этом случае не столько художественное открытие, сколько прагматические установки Кирилла-проповедника.

Язык проповедей представляется нам ясным и простым, лишенным вычурности и риторических излишеств, и вместе с тем насыщенным экзегетической образностью, синтаксическим и лексико-грамматическим разнообразием. Книжный язык проповедей адаптирован в том смысле, что они обращены к рядовому слушателю или читателю. Нельзя забывать и об их миссионерской направленности, их цель — разъяснения евангельских событий, вероисповедных принципов и церковной истории. Такие яркие черты стиля Кирилла Туровского, как частотность биномов и полиномия или синтаксический параллелизм, соединяют в его творчестве традиции фольклорной и литургической поэтики. За ними стоит не украшательство, а стремление к полноте обозначения и выражения.

К проповедям примыкает анонимная “Притча о премудрости” (л. 48–49 об.), которую можно было бы связать с именем Кирилла. Большой фрагмент “Притчи” с редакторским сокращением вошел в состав берестяной грамоты из Торжка № 17 XII–XIII века, который оказался современным жизни Кирилла [Зализняк 2004: 464–465]. Вместе с тем принадлежность “Притчи о премудрости” Кириллу Туровскому вызывает большие сомнения. “Притча” записана иным почерком, нежели предшествующие Слова и Поучения, и представляет иной дискурсивно-

прагматический тип текста. Бросается в глаза следующее отличие. В Притче автор ведет речь от собственного лица: н азъ тн ѿвѣщаю [СбТол XIII₂, 48]; н азъ та наоучю [ИВІД., 49] и под., — в то время как в Словах автор настаивает на том, что в его рассказе нет ничего субъективно личного:

нъ не ѿ своего срѣца нзношу словеса • вѣ дшн бо грѣшнѣ нн дѣло добро • нн слово пользно ражається • нъ творимъ повѣсть взземлюще ѿ стго ѿвангѣлнн • поутенаго намъ нзннѣ ѿ ноана фелога • самовндѣца хъвѣхъ үюдесѣ [СбТол XIII₂, 25 об.]; нхъже влзъ ѿ бодухновеньнхъ скажемъ кннгъ • мзи бо словоу нѣсмъ творцн • нъ пррұьскъхъ н аплкъхъ вѣслѣдоюще глѣ [ИВІД.: 33–33 об.]; Нъ молю вашу брѣе любовь • не зазрнте мн грѣбостн • ннүтоже бо сдѣ ѿ своего оума сдѣ взпнсѣю • нъ прошю ѿ ба дара словоу [ИВІД.: 38 об.];

сравним в обличении Ария: Сн ѿ своего оума а не ѿ стхъ кннгъ нзвѣщалъ єсн [СбТол XIII₂, 40 об.]

Эвиденциальность в ее сакральном варианте выступает идеологическим центром проповедей, что отличает их от “Притчи”, материал которой поэтому не учитывается в дальнейшем исследовании.

В связи с проповедническим характером Слов в функционировании глагольных форм с большой долей вероятности можно подозревать не только следование книжной норме, но и разговорным интенциям. Так, в Словах отсутствуют старославянские рефлексy *dj > жд в хожаше [СбТ XIII₂, 20], внжь [ИВІД.: 26], үюжа [ИВІД.: 30 об.], межю [ИВІД.: 38] и под.; наблюдается русификация неполногласия посредь [ИВІД.: 20]; прѣже [ИВІД.: 29 об.], трѣбъ [ИВІД.: 29 об.], на прѣстолю [ИВІД.: 39 об.] и под.; отсутствует простой аорист (кроме форм 3 л. ед. числа) и сигматический аорист от консонантных основ, исключая рѣша (см. далее); сохраняются исконные формы супина с управлением Р. п.: прншьдѣшааго ѡжнѣтѣ насъ похвалнмъ [ИВІД.: 5 об.], прндѣ ѡбновнтѣ тварн н спстѣ үлѣка [ИВІД.: 26] и под.; присутствует только 3-е лицо дв. числа на -та: єноухъ н нлнн не ѡбрѣтостасѣ на землн [ИВІД.: 19]², небо н земля тобѣ служнтѣ [ИВІД.: 19 об.], осоужена бодѣта ѡба [ИВІД.: 28 об.], станѣта нозѣ єго [ИВІД.: 32] и др.; наблюдается частотное употребление восточнославянских форм Р. п. ед. числа тьмннцѣ [ИВІД.: 6 об.], ѿ магалынѣ [ИВІД.: 11 об.] и под., В. п. мн. числа рѣбарѣ [ИВІД.: 27 об.], блодыннцѣ [ИВІД.: 28], младннцѣ, манастырѣ [ИВІД.: 37 об.] и под.; наблюдается развитие категории одушевленности в дв. числе: Кннжннцн нзумѣвѣшесѣ пытають р о д н т е л ю прозрѣвѣшаго [ИВІД.: 26 об.]³; отмечаются регулярные исконные формы существительных *й-основы: Р. п. мѣдоу 25 (2х), дому [ИВІД.: 45], звательная форма снү [ИВІД.: 40 об.], М. п. ед. и

² Надстрочные знаки, помимо титла, здесь и далее опускаются.

³ Сравним исконный В. п.: кратарѣ въздѣвѣкъ пыташе н [ЖФП XII, 456].

мн. числа ω своѣмь снѡу [Ibid.: 41] (2x), въ снѡхъ нзлѣхъ [Ibid.: 27] и ТП мн. числа в смешанном типе грѣхъмн (2x) [Ibid.: 44, 46]⁴ (см. в мягком склонении: стражымн стрѣгомъ [СбТол XIII₂, 13]), исконные звательные формы существительных *ї-основы: зкърн, татн [Ibid.: 40 об.]; фигурируют регулярные древнерусские формы личного и возвратного местоимений Д.–М. п. тобѣ [Ibid.: 19 об.], собѣ [Ibid.: 30 об.], на собѣ [Ibid.: 34 об.], въ собѣ [Ibid.: 45 об.], в том числе с русифицирующей адаптацией южнославянских форм: вндаши на себѣ [Ibid.: 34]; встречаются древнерусские формы действительных причастий наст. времени: И. п. мн. числа муж. рода рѣшаюче [Ibid.: 13]⁵, И. п. ед. числа муж. рода мнмонда [Ibid.: 25 об.], а также примеры деклинационной унификации: нѣса веселатъса свою оукрашающе свѣтла [Ibid.: 34], творашомоу [Ibid.: 36]; древнерусской инновацией является местоименное склонение причастных и адъективных форм в дв. числе типа зрашею зънню [Ibid.: 26 об.]⁶ (vs. на крнлоу вътрнюю [Ibid.: 35 об.]); в количественных сочетаниях отмечаются как архаичные, так и новые формы существительных и числительных: за уетзырн десате днн [Ibid.: 32 об.] (по И. п. вместо десатн), боле патн сотъ братни явнса [Ibid.: 33 об.]; патью днъ [Ibid.: 41]; аврамъ пать црѣвъ съ снамн нхъ погоубн [Ibid.: 38 об.]. В проповедях отмечаются редкие лексемы и гапаксы: аще възсходящю снню • съмъ жарнтъ кто шун скон • не хота вндѣти свѣта сего • н гла лоуушн есть тма свѣта [Ibid.: 24]; аще соузда нмате • нли родниа нли женоу нли дѣти [Ibid.: 25]; н трымн днъмн пакы възставити ю хоупетьса [Ibid.: 28]; оу египтанъ [. . .] оусконтн [Ibid.: 28] (т. е. обрести); нхъже в лазъ ѿ бодухновеньныхъ скажемъ кннгъ [Ibid.: 33] и др.; н лоуна съ звъздамн ношь ѡбѣлаеть [Ibid.: 20]; Лазора оуже раскысѣвъшаго въ гробѣ • н уетзырн днн нмоуша възмъртвхъ • словомъ жнва створнхъ [Ibid.: 20 об.]; нзведе всеродна адама [Ibid.: 32 об.]; съ седмъдесатныимн хъви оуеннкы [Ibid.: 33 об.] (т. е. принадлежащими к числу семидесяти апостолов); не ѡбратныи разбоннне • не раскяемзыи грѣшнне [Ibid.: 40 об.]; н нзвълуенне топашнмъса въз телесныхъ похотхъ [Ibid.: 45 об.]⁷ и др.

⁴ Формы Т. п. мн. числа на -мн исконного о-склонения принято связывать с письменной традицией первого поколения прямых учеников Кирилла и Мефодия [Пичхадзе 2008: 164].

⁵ См. ранний пример адъективной дифференциации причастной формы: ѿ гораша сѣца [СбТол XIII₂, 24].

⁶ Так и в Слове о полку Игореве: *на своєю нетрудною крилицю* (цит. по [Зализняк 2008: 473]).

⁷ Как и в других древнерусских источниках, словоформа имеет регулярное русское написание телес- vs. регулярные формы без -ес- с ятем, например, в биноме дшамн н тълмъ, в отличие от старославянского, где сохранялся корневой ять и в формах на -ес-.

Praesens historicum

Считается, что в древнеславянских переводах настоящее историческое встречается крайне редко под влиянием греческих прототекстов, обычно этим формам предпочитались аористы — формы реального прошедшего. Редкие формы настоящего исторического в старославянском были отмечены А. В. Бондарко [2005: 569]. Установлено, что в ранних древнерусских памятниках формы настоящего исторического являются большой редкостью, исключением является только “Слово о полку Игореве”, в котором употребляются не единичные примеры настоящего исторического, а целые цепочки форм. “Слово о полку Игореве” называется единственным ранним текстом, в котором обнаруживается настоящее историческое от основ несовершенного вида не в событийном, а процессном значении, когда актуальное настоящее “транспонировано в план прошедшего и является художественно-изобразительным средством” [Новикова 2016: 101–103]. Однако в проповедях Кирилла Туровского, по существу современных “Слову о полку Игореве”, настоящее историческое от имперфективных основ также представлено в цепочках форм, где событийные значения не отделены от процессных. См., в частности, в Слове в Неделю о слепце:

Оле мѡудрѡсть бѣнѡ н нѡздручѡньнѡю ѹлѡкѡлюбѣнѣ • каѡ дѣша не веселѣтѣса ѡ мѣтн негѡ •
 неюже нѡи възлюбѣн • н далече соущѡ блнзѣ къ собѣ прнведе • всего ѹлѡка сдрава створнкѡ •
 раслабелѡна възставн • хромѡнѡ оубыстрн • прокаженѡнѡ шунстн • слѡукѡнѡ нсправн •
 глаухѡнѡ н нѣмѡнѡ добрѣ слѡнѡшѡнѡ н глѣнкѡ створн • соухорѡукѡнѡ оукрѣпн • бѣсѡи ѡ
 ѹлѡкѡ прогнавѡ • н слѣпѡнѡ просвѣтн • Нѡ жндѡве са на блѣтлѡ гнѣ ва ю т ѣ • н нюдѣн
 рѡзпѡщю т ѣ на ѹюдѡтворца • нзлѣтѡне свѣтѡ тѡрѡтѣ на сѣса своѣгѡ • снѣ
 нѡковѡн погѡубнтн мѡи слѡтѣ прншѣдѡшагѡ сѣстѡ всего мнѡра • саѡукѣн прозрѣвѡшагѡ
 на соуднѣ блѣкѡ ю т ѣ • нрѡдѡнѡне свѡрнѡне сѡ възкѡуплѡ ю т ѣ • не бѣро ю ю т ѣ
 бо ѹлѡкѡу • ѡко тѡ нестѣ бѡнѡнѡ прѣже слѣпѡ • Кннжннѡнѡ нзумѣвѡшѣса пы т ѡ ю т ѣ
 роднтѣлю прозрѣвѡшагѡ • аще то не стѣ глѣще ваю снѡ • лѡвгнтн днѡ вѡтѣ са вндѡше
 зрѡщею зѣннѡю оу роднѣвѡшагѡса безѡ оуѣю • старѣнѡнѡ оукарѡ ю т ѣ въз соубѡтѡу
 ѡвѡрѡзѡшагѡ шун слѣпыѡю • народнѡ хѡлѡше бѡ прѣславнѡмѡу днѡвнтѣ са ѹюдѣсн • н
 вѣсь нѣрѣмѡз рѡдѡ ю ю т ѣ са • іса хѡ велнѡѡѡше • нѡ фарнсѣн лѣстѡше народѡи хѡ ѹлѡтѣ
 ѹюдѡтворца • жѣрѡнѡнѡ згѡнѡтѣ ѡ свѡрнѡнѡ помнѡлѡбанѡгѡ бѣмѣ • архнѣрѣнѡ прѣтѡтѣ
 прозрѣвѡшѣмѡу • да похѡунтѣ просвѣтнѡвѡшагѡ н • глѣще снн ѹѡловѣкѡ нѣѣ ѡ бѡ понѣже
 сѡботѡи не хрѡннтѣ • Самнѡ межю собою злѡхѡдѣтрѣнѣмѣ прѡтѣ са • а не
 рѡдѡ ю ю т ѣ са ѡ прѣславнѡнѡнѡ бнѣнѡнѡ ѹюдѣсѣхѡ • нже не въз ннѡмѡ ѡзѡщѣ сѡдѣвѡхѡу са
 • нн ннѡплеменѣннѡмѡ въз мѡутѣ тѡрнѡма бѡхѡу [СбТол XIII₂, 26–27]⁸ и под.⁹

⁸ Заметим, что в пассаже довольно много контекстов с бессоюзием — прежде всего во фрагментах с параллелизмом, так что А. А. Зализняк [2008: 190–205] не вполне прав, указывая на эту черту “Слова о полку Игореве” как на уникальную.

⁹ Хабитуальное сѡботѡи не хрѡннтѣ (см. Р. П. ед. числа существительного) в данном пассаже уравнивается с другими формами, поскольку речь не идет о субботе вообще, а о конкретном субботнем дне исцеления слепорожденного.

Если действия Христа описываются в пассаже формами абсолютного прошедшего — аориста, то действия его многочисленных противников (у Кирилла тут дано полное их “исчисление”), как и последователей, автор совмещает с моментом речи, переносит и помещает прямо перед взором слушателя или читателя. Автор воспроизводит с максимальной полнотой в формах настоящего времени евангельский сюжет из далекого прошлого. По функциональному, дискурсивно-прагматическому и психологическому эффекту в чтении выступает полнокровное настоящее историческое экспрессивного характера — живой эмоциональный рассказ о прошлых событиях как происходящих в момент самого повествования. См. аналогичные формы в Слове на Вознесение:

Ѡ възнесеннѣ хъ въ побѣдоу нмѣ • н ѣже бѣша на горѣ ѣлѣоньскѣхъ • тамо бо англьскѣи слы • н архангльскаѣ коннѣства • ѡвн облакы вѣтрѣннѣи приносѣтъ • на възвѣтнѣ ѡ землѣ хъ бѣ нашего • друзнѣ же прѣстола хъ ровнѣмьскѣи готобѣтъ • бѣ ѡцѣ ж н дѣтъ негоже прѣже нмѣи въ ядрѣхъ съ собою • дхъ же стѣи велѣтъ всѣмъ англьмъ него • възмѣте врата нѣнаѣ • да възндетъ црѣ славы • нѣса вѣселѣтъ съ своѣи оукрашающе свѣтна • да блѣвѣтъ ѡ своего творца • съ плѣтню сквозѣ тѣхъ врата на ѡблацѣхъ възносима • землѣ радуетъ съ вѣдѣи на себе бѣ ѣвѣствѣно ходѣща • н всѣ тварѣ красуетъ съ ѡ ѣлѣоньскѣи горы просвѣщаема • ѣко на тон н англѣн съ стѣи аплы • по повелѣннѣ бѣ ѡца съвзкоупнѣса • ѡждающе снѣвнѣи прншѣствѣнѣ • тѣмъ снѣи прѣздѣннѣкъ паучѣ ннѣхъ устьнѣн бѣи намъ [34] и под.

Наблюдения Б. Гаспарова над настоящим историческим в “Слове о полку Игореве” столь же справедливы и по отношению к проповедям Кирилла Туровского, в связи с чем “Слово о полку Игореве” оказывается в этом плане не уникальным и поэтому исторически ещё более аутентичным:

Аорист первых предложений представляет событие отделенным от читателя / слушателя, задавая интонацию рассказа о прошлом. Переключение в настоящее время создает эффект, который можно сравнить со сменой кинематографического плана: картина внезапно приближается и приобретает наглядно-изобразительный характер; все звуки оживают, и читатель оказывается в позиции непосредственного наблюдателя [ГАСПАРОВ 2000: 407].

Отличие настоящего исторического у Кирилла в том, что у него оно сближено с хабитуально-ритуальным. Описываемые события носят повторяющийся характер в годовом кругу, однако каждый раз переживаются заново, прежде всего теми, кто впервые слышит эту евангельскую историю.

Так называемое будущее сложное I

В проповедях наблюдается единственный из возможных тип конструкций, с которыми принято связывать формы будущего сложного I.

Засвидетельствованы сочетания со вспомогательным глаголом хотѣти — глаголом желания или намерения в самостоятельном употреблении:

нѣ хошю бо жнѣти нѣ варѣти тѣ въ адѣ [СбТол XIII₂, 7]; Вамъ хошю танны повѣдати бѣна ѹлѣколюбна [IBID.: 12]; аще н внимаете н хошете на оуучитѣса [IBID.: 24] (ї из є); хошю нскоучити [IBID.: 24 об.]; ѿвръщн хошеть [IBID.: 27 об.]; цн лн на вѣсокыа холмы хошете ма повѣстн [IBID.: 29]; хошемъ [. . .] оувѣдати [IBID.: 32].

Нельзя быть уверенными, что приведенные конструкции грамматикализованы как сугубо футуральные. Футуральность их следует понимать в смысле гипотетической ситуации, к которой некто желает или намерен привести [ЮРЬЕВА 2009: 207]. В большей их части просматривается знаменательный характер служебного глагола. В [SJS, 4: 784–789] некоторые контексты, где имеются конструкции с этим глаголом, характеризуются как футуральные. Футуральное значение в этих случаях является потенциальной величиной и может быть отождествлено с проспективом, т. е. с подготовкой того, что позже произойдет [Плунгян 2011: 286–287]. Таким образом, для автора выбор конструкций с данным глаголом обусловлен как предпочтением определенного грамматического сочетания, так и семантической насыщенностью глагола хотѣти, для которого в [SJS, 4: 784–789] выделено девять семантических фракций. Заметим, что в “Слове о полку Игореве” употребляются аналогичные формы: “Хошю бо, рече, копѣ приломити конец поля Половецкаго; съ вами, Русици, хошю главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону” [Зализняк 2008: 462]. Известен, однако, и другой тип: “Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ” [IBID.: 475]. Данная конструкция у Кирилла Туровского может выступать и с определенно модальным значением:

Уто же н еше хошете ѿ мене слышатн • понеже рекохъ вамъ н не вѣроуете • еда н взи оуученици него съ мною хошете быти [СбТол XIII₂, 29 об.].

Императив

Императив отличает яркая региональная, юго-западная, примета — обобщение суффиксального -н- в 1-м спряжении [Зализняк 2004: 153]: этот суффикс заменяет исконный суффикс -и- у глаголов 3-го лескиновского класса:

нѣ глѣте на бѣ неправды • нѣ смотрите прѣруськыхъ писанин [СбТол XIII₂, 30]; въсплещѣте рукама • въскланкнѣте боу глѣмъ радостн [IBID.: 35].

Вместе с тем известно, что такая же особенность развития представлена и в древнеболгарском, так что суффиксальный *-ль-* в этом случае выявляет тождество книжной традиции и регионального явления. Однако у Кирилла Туровского это явление носит ограниченный характер и не распространяется на глаголы 4-го класса и 3-го класса с основным йотом, как это было в болгарском: *нѣ скъ р б н тѣ нн с ъ т о у н тѣ* [СбТол XIII₂, 12] и др.

Диалогический характер Слов ярко проявляется в совмещении 1 л. и 2 л. мн. числа повелительного наклонения. Это выразительное средство единения говорящего и слушающих (я + вы = мы-единство):

рѣкѣ възстанѣтѣ възздѣмъ възвѣшннн снѡнъ [СбТол XIII₂, 35 об.]¹⁰; *тѣмъже н мѣ брѣнѣ прндѣтѣ възздрядоунмъ сѧ ꙗвн* [Ibid.: 36 об.–37].

В этих двусловных обозначениях просматривается прототип будущих инклюзивных, со значением совместности форм — как биномных, так и однословных: *Давайте сделаем! Пойдѣмте!* Формы 1 л. мн. числа напоминают здесь гортатив ряда языков мира [Плунгян 2011: 328–329], с которым все же не принято отождествлять русские формы, выводя их за границы императивной парадигмы.

Формы 1 л. мн. числа с побудительным значением чрезвычайно частотны в Словах. Они несут мощный заряд убеждения и единения, образуя длинные ряды тематически близких лексем в синтаксически однородных конструкциях, каждый раз завершая воспоминание о евангельском событии или вероисповедном принципе:

Н рече к нему ꙗко възвѣз ма въ рока • блѣнн нѣ възвѣзшен въз ма въ рока възшен • тѣмъже брѣнѣ възроунмъ хѡу боу нашему • распнзшемоу сѧ поклоннмъ сѧ • възскръсшааго прославнмъ • ѡбнвзшемоу сѧ апѣлмъ възроунмъ • н своѧ фомѣ показавшааго ребра възспонмъ • прншьдѣшааго ѡжнѣтѣ насъ похва лнмъ • н просвѣтнвшааго нзи н сповѣданмъ • н всѣхъ блѣгъ подавшааго намъ ѡбнлнѣ въззвелнунмъ • ѡ трѣца познанмъ ѣднного • ꙗа ба сѣса нашего ꙗс хѣ [СбТол XIII₂, 5 об.]¹¹.

В пассаже объединяются евангельские и “пост-евангельские” события как нечто целое и неразрывно связанное.

¹⁰ Здесь встречается ранний пример общевосточнославянского смешения в 1 л. мн. числа императива с индикативными формами — *въздѣмъ* вместо *въздѣмъ*. Вероятно, оно обусловлено исконным совпадением индикативных и императивных форм в 4-м леслиновском классе *поклоннмъ сѧ*, *помолнмъ сѧ* и под. С этим явлением связано образование новых индикативных форм на основе императивных *дадим* вместо *дамъ*, *едим* вместо *ьмъ*.

¹¹ Важное место во всем пассаже принадлежит причастиям — прежде всего от перфективных основ как предикативным признакам свершившегося и непреходящего. Причастные формы И. п. мн. числа и Р. п. ед. числа имеют стилистически отмеченные архаические формы.

В “Слове о полку Игореве” формы 1 л. мн. числа также могут образовывать цепь, обозначая побуждение к совместному действию: “Нъ рекосте: «мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами подѣлимъ!»” [Зализняк 2008: 468].

Аорист на -тъ

Особой характеристикой Слов является стопроцентная реализация аористов с окончанием -тъ. Слова в этом отношении наследуют исключительно старославянскую кирилло-мефодиевскую традицию:

блудница грѣховъ ѿпустиъ прнѣтъ [СбТол XIII₂, 5 об.]; вдовца · ѿ мьртвѣхъ своего сна съ дшею жива прнѣтъ [IBID.: 5 об.]; яже ѿ беззаконникъ за блга прнѣтъ [IBID.: 6 об.]; н прнѣтъ сътънка въпроси аще оуже оумреть пропатън ісѣ н оувѣдавъ дасть тѣло нощноу [IBID.: 10 об.]¹²; н коупнѣтъ плащаницю съ нѣтъ тѣло ісѣо съ крѣта [IBID.: 10 об.]; ннѣ жену поѣтъ [IBID.: 24 об.]; акы пьрѣвнѣтъ прнѣтъ ѣго [IBID.: 30 об.]; шблѣкъ свѣтълъ подѣтъ н ѿ оуню нхъ [IBID.: 35 об.]; наѣтъ злое съма съятн [IBID.: 39]; н наѣтъ шканънн снѣ догматнсатн [IBID.: 40].

Необычным может показаться тот факт, что в этом случае отсутствует вариативность, присущая как переписанным с кирилло-мефодиевских переводов источникам — например, Захариинскому паримейнику 1271 года, так и оригинальным древнерусским текстам — например, Житию Феодосия Печерского по списку XII века в Успенском сборнике. Слова Кирилла Туровского оказываются в этом отношении родственными переводным текстам с архаичными единицами, близкими гимнографическим текстам, которые были переведены учениками Кирилла и Мефодия [Пичхадзе 2011: 68, 323].

Аорист 2–3 л. ед. числа с окончанием -тъ стал наследственной чертой кирилло-мефодиевской школы письменности [Зноловов 2016: 164–168]:

н прнѣтъ ннѣ мность свою н съвнѣтъ н оударн въ водоу [Зах 1271, 12Г₁₋₅]; н все ѣлко бѣ на соушн оумрѣтъ [84Г₁₉–85а₂]; шѣъ моѣ заклатъ ма [162б₁₉–162в₁]; жнѣтъ нощноу ·рѣ· [164в₁₄₋₁₅]; гѣ дасть гѣ штѣтъ [180Г₁₉–181а₁]; н покрѣтъ ю шблѣкъ шесть дннн [246а₈₋₁₀] и мн. др.

Такие формы могут соответствовать аористам без окончания -тъ в других списках, в том числе в среднеболгарском Григоровичевом паримейнике:

¹² Форма оумреть (ст.-сл. оумрѣтъ), вероятно, содержит восточнославянское флективное -тъ, однако в рукописи конечный ѣ в верхней части смыкается с перемычкой т и может быть прочитан как ѣ. Такое же написание имеет форма дасть, которая довольно регулярно употреблялась в древнерусских источниках. Возможно, неясное написание писцом выбрано осмысленно, поскольку рядом имеются хорошо различимые чтения на -тъ и -тъ.

н вѣроу ѿ тѣ н аврамъ ѣвн [Зах 1271, 120в ₇₋₉]	і вѣроу ѿ тѣ аврамъ ѣвн [Тр XIV ₂ , 52г ₁₋₂]	н вѣрж ѿ аврамъ бѣовн [Григ XII/XIII, 48 ₄]
н покрѣтъ ю облакъ шесть днн [Зах 1271, 246а ₈₋₁₀]	н покрѣтѣ ю облакъ ·с· днн [Тр XIV ₂ , 141б ₁₆₋₁₇]	
се ламѣхъ оубѣ двѣ брата ѿнохова · н по ѿ тѣ себѣ женѣ ѿю [Зах 1271, 260 об. ₁₀₋₁₁]	а ламѣхъ оубѣ двѣ брѣ ѿнохова · н по ѿ себѣ женѣ ѿю [Тр XIV ₂ , 140г ₁₄₋₁₇]	

Г. А. Ильинский [1900] видел в таких глаголах архаические формы сильного аориста с медиальным окончанием или образования с флексией инъюнктива, что, по его мнению, объясняет отсутствие в этих случаях суффикса сигматического аориста перед -тъ. В новых работах высказывается предположение о развитии “приращения” -тъ у глагольных основ без автономного ударения, которым приращение придавало акцентную самостоятельность [Пичхадзе 2011: 316]. Как известно, этот фактор не проявил себя сколько-нибудь последовательно в восточнославянских диалектах праславянского языка, тогда как в ранний период подобная акцентная перестройка вовсе отсутствовала.

В аористе в праславянском положении было таково. Окончания 2–3 л. ед. ч. -е, -тъ были минусовыми, все прочие — (-ѣ, -омѣ, -те, -ѣ, -вѣ, -та) плюсовыми; соединительное -о- в новом сигматическом аористе, вероятно, было минусовым. При этом у а-, і- и корневых глаголов, подвергавшихся перемаркировке в инфинитиве [. . .], такая же перемаркировка происходила и в аористе, кроме 2–3 л. ед. ч. [Зализняк 1985: 144].

Круг глаголов с автоматическим — не автономным — ударением основы был довольно широк, однако это никак не способствовало развитию приращения: см., в частности, исконную отрицательную акцентную маркировку основ типа *лови-* и словоформ типа *съблюде* [Зализняк 1985: 148, 159]¹³. Вариативность словоформ презенса, аориста и имперфекта на -тъ (-тъ) < *-ti и -ѣ < *-t, судя по всему, имеет общий генезис и восходит к индоевропейско-праславянской модели с варьированием первичных и вторичных окончаний в паре индикатив vs. инъюнктив, а также в формах конъюнктива [Жолобов 2012; Идем 2015; Знолов 2014]. Модель аористов на -тъ была генерализована и закрепились в группе глаголов с

¹³ Как было показано Й. Райнхартом, морфологические изменения не сдерживаются более серьезными препятствиями — принадлежностью к разным акцентологическим парадигмам. Так, в хорватских рукописях отмечаются примеры образования сильного аориста для глаголов, которые акцентологически было принято связывать исключительно с сигматическим типом: 1 л. дв. ч. *tekově*, 1 л. ед. числа *otvrz'*, 1 л. ед. числа *ne ožeg se* и др. [REINHART 1988: 300].

омонимичными формами страдательных причастий типа *лѣтъ*, *сѣвнѣтъ*, *пѣтъ*. Их близость была отмечена Н. Ван-Вейком [1957: 314]. На взаимосвязь активных форм аориста на *-тъ* и пассивных форм с суффиксом *-т-* в своем структуралистском описании старославянской глагольной системы указал К. Кох [Кох 1990: 239]. Ассоциированность данных форм засвидетельствована менами при трансформации страдательных конструкций в активные. Яркий пример подобной трансформации приведен В. Б. Крысько [2011: 826] со следующим комментарием:

О том, что аорист *прнѣтъ* был для древнерусских книжников совершенно обычной формой, свидетельствует преобразование конструкции с омонимичным страдательным причастием: 3-й писец Соф заменил оборот, сохраненный другими писцами (С) в виде *прнѣтъ бѣ*, на *прнѣтъ н сѣтъ* 135a20¹⁴.

Аорист *рѣша*

Такое же соотношение наблюдается в случаях с употреблением сигматического аориста глагола *рѣчн/рѣщн*. Данный глагол в последних работах включается в число ключевых единиц ренарратива как разновидности категории эвиденциальности [Копотев 2014]. В Словах обнаруживаются почти всегда только формы сигматического аориста *рѣша* “сказали, говорили”, которые были характерны для кирилло-мефодиевских источников [Вайан 1952: 266]¹⁵; исключения единичны:

Сн бо рече соломонъ помыслиша и прѣльстншася ослѣпнѣша ꙗко злоба ихъ • речекоша бо оуловнмъ правдынника • руганнѣмъ и ранами стажемъ него • и смѣртню безлѣпотною осудимъ него [СбТол XIII₂, 9]; Уто же и ѿще хощете ѿ мене слышатн • понеже речекоуъ вамъ и не вѣроуете • еда и вѣи оуученици него съ мною хощете быти [ИВІД.: 29 об.]; к немуже възгласивше сѣтн нашн речекоша ѿцн [ИВІД.: 40 об]¹⁶.

В Словах Кирилла Туровского лексико-грамматическая единица *рѣша* получила значение не просто введения прямой речи, а своего рода экспрессивного документального подтверждения чужой речи:

нн въздаша хвалы бѣн • въздвигнуувшооу ослабленаго ѿ Одра немоцин • нн рѣша како ти сѣ брате жнлы оукрѣпнша [СбТол XIII₂, 20 об.]; моужн бо рѣша и галнѣнстнн что стонте зраще на нѣо [ИВІД.: 33].

¹⁴ Соф — Софийский пролог (РНБ, Соф. 1324, л. 1–160, XII–XIII вв.).

¹⁵ Кирилло-мефодиевский тип форм преобладает в позднерусском Захариинском паримейнике 1271 года, однако нужно иметь в виду, что здесь и сам перевод имеет кирилло-мефодиевское происхождение. Соотношение здесь такое: 1 л. ед. число *рѣхъ* — 11, *речехъ* — 2; 3 л. дв. число *рѣсте*, *рѣста* — 2, *речоста* — 0; 2 л. мн. число *рѣсте* — 1, *речесте* — 2; 3 л. мн. число *рѣша* — 11, *речеша* — 6; *нарѣша* — 0, *наречеша* — 1 [Знолов 2016: 164].

¹⁶ Нельзя исключать появления этих форм под пером переписчика.

Особая функция данной словоформы подчеркивается ее употреблением в прямой речи на месте энклитики:

нстрѣбнмъ бо рѣша память ѿго [СбТол XIII₂, 10]; Нъ испытанмъ рѣша добръ • възрѣкмъ н ѿце второе прозрѣвшаго [ІВІД.: 28 об.]¹⁷.

Оба способа употребления словоформ могут сочетаться в одном контексте:

сзннде бо рѣша на землю ннкомуже не уювшю • н се рабнн носѧ шобразъ възходнтъ • шнн же рѣша не боудемъ покорн • аще не оуслышнмъ слова бѣнѧ [СбТол XIII₂, 36]

Заметим, что подобное употребление не выделяется историческими словарями, хотя, например, использование формы *рече* как знака цитации в древнерусских текстах хорошо известно [Камчатнов 2004]. Сходные случаи отмечаются и в “Слове о полку Игореве”:

Помняшетъ бо, **речь**, прѣвыхъ временъ усобицѣ (цит. по [Зализняк 2008: 461]); “Хошу бо, **рече**, копіе приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону” [ІВІД.: 462]; А Святославъ мутен сон видѣ въ Кіевѣ на горахъ. “Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, **рече**, чръною паполомою на кровати тисовѣ. . .” [ІВІД.: 467]).

Сигматический аорист в “Слове о полку Игореве” отсутствует, см.:

рекоста бо братъ брату: “се мое, а то мое же” [ІВІД.: 466]); И ркоша бояре князю: “Уже, княже, туга умъ полонила” [ІВІД.: 467]; Нъ рекосте: “мужаймѣся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами подѣлимъ!” [ІВІД.: 468].

В “Слове о полку Игореве” лишь однажды прямая речь вводится глаголом *млѣвнть*.

А. А. Гиппиус [2009: 249] отмечает, что “повествование о древнейшей истории Русской земли, легшее в основу Начальной летописи, вообще не знало новых форм аориста (типа *рекоша*), употребляя исключительно старые (типа *рѣша*)”.

Таким образом, у Кирилла Туровского сигматический аорист *рѣша* — это грамматикализованное, морфосинтаксическое средство, в качестве одной из единиц категории эвиденциальности обслуживающее указание на чужую речь. В чем здесь допустимо видеть переход языковой единицы

¹⁷ В формальном отношении данные контексты близки русским: *Год, говорят, грибной будет*. Однако они имеют значение не документального свидетельства, а предположения с опорой на неопределенные источники. См. также в древнерусской летописи в конструкции с косвенной речью и предположительной семантикой *бѣ бо нхъ пришло, творѣху, ꙗко нн болѣ*, Новг. I лет. 6736 г. (цит. по: [Срезн., 3: 936]), где *творити* — ‘говорить (что-л. про кого- или что-л.); указывать, утверждать’ [ІВІД.; СлРЯ XI–XVII, 29: 257].

с рубежа лексического на ступень грамматикализации или близкий к ней уровень? Отмечается употребительность сигматического аориста данного глагола в древнерусской письменности — прежде всего раннего периода — как переводной, так и оригинальной [Пичхадзе 2011: 324–325]. В связи с этим формы типа *рѣша*, пожалуй, основного глагола речи, могут отражать не только влияние кирилло-мефодиевской традиции, но и сохранение функционально обособленной праславянской формы. Данный факт может быть сопоставим с сохранением еще более глубокого, индоевропейского, архаизма — медиального перфекта *вѣдъ* “я знаю”, являющегося ключевой лексико-грамматической единицей категории эвиденциальности в функции указания на непосредственный субъектный источник информации [ŽOLOVOV 2016]. “. . . Evidentiality [. . .] actually involves the speaker’s attitude toward the truth of the statement” [FRIEDMAN 1986: 186]. Прямая речь, сопряженная с употреблением *рѣша*, несет большую дискурсивно-прагматическую нагрузку, придавая пассажам проповеди характер документального свидетельства. Итак, *рѣша* < **rěšę* — это изолированный индоевропейско-праславянский архаизм с единственной функцией маркера чужой речи, тяготеющий к клитическому употреблению и контрастирующий с живыми аористами типа *рѣкоша*. Наряду с приведенными выше данными А. А. Гиппиуса, язык кирилловой проповеди в этом отношении может отсылать еще к праславянской традиции ренаррации.

Простые претериты 2 л. ед. числа

В Словах Кирилла Туровского отмечается такая архаичная черта, как правильное употребление 2 л. ед. числа аориста, которое по частотности превосходит какой-либо другой источник:

Внѣю рѣбра ѿ ннѣже н ст о у н коду н крѣвь • коду да шунѣннн осквѣрннѣшююса землю • н крѣвь же да шѣтннн ѹлѣуьскоѣ нестьство • Внѣю роуцѣ твоѣ нмаже прѣже ст в о р н всю тварь • н ран на с а д н • н ѹлѣка с о з д а • нмаже бѣгословн патрнарѣхы • нмаже по м а з а цѣрѣ • нмаже ш с т н апѣлы [СбТол XIII₂, 5]; Н рече къ немолу ісѣ яко вндѣвѣ ма вѣр о в а • бѣжнн не вндѣвѣшен вѣ ма вѣр о в а вѣшен [ІВІД.: 5 об.]; нзннѣ вѣко растѣрзѣюса оутробою • твоѣ вндѣшн тѣло • прннгождено къ дрѣвоу [. . .] недннѣ ѿ несѣянннн пр о н д е оутробоу • цѣлы пеуатн моѣго съблюдѣ дѣвѣства [. . .] н пакы дѣвоу с х р а н н [ІВІД.: 7–7 об.] и под.

А. А. Зализняк [2008: 107–114] отмечает подобное употребление аориста в ряде ранних источников (таких как Повесть временных лет и перевод “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия), а также в “Слове о полку Игореве”¹⁸, в отличие от более поздней традиции замены аориста 2 л. ед. числа перфектом.

¹⁸ Он отмечает также 10 форм аориста 2 л. ед. числа в Мариинском евангелии. Данные Слов Кирилла Туровского остались ему неизвестны.

У Кирилла Туровского рядом с аористом 2 л. встречается также имперфект. Чрезвычайно показательны контексты, в которых рядом с простыми претеритами во 2 л. ед. числа употребляется перфект во 2 л. ед. числа:

нѢо помраунсѧ н свон свѣтъ скръзи • тѢи же тогда радуясѧ на своєю рукоу бѧ н о с ѡ ш е •
землю лн тѧ бл҃гоцвѣтоущю нарекоу • нѢ тоя ѡтѣнѣн сѧ по ка за • тѢгда бо н та
страхомъ трасашесѧ • тѢи же съ веселнѣемъ бнѣ тѣло съ ннкоднмомъ • въ плащаницю съ
вонамн шевнѣз положнѧз ѣсн • ѡплмѣ лн тѧ нменоую • нѢ н тѣхъ вѣрнѣе н крѣпзуче
о б р ѣ т е с ѧ • ѣгда бо • шнн страха радн жндовьска развѣгошасѧ • тѢгда тѢи без
боязнн н бесоумнѣннн послужнѧз ѣсн х҃вн [СбТол XIII₂, 15]; нѢ съхранн тѧ ѡ тѣхъ і
ѣз ѣгоже тѢи х р а н ѡ ш е тѣло • не оубоявзсѧ гнѣва жндовьска • не прещеннн жреучьска •
нн напрасно оубнѣвающнхъ воннѣ не оустрашнсѧ • не пожалнсн по мнозѣмъ бѧтьствѣ •
ѹаи трнднѣвнаго възкрѣннн • нѢ паѹе всѣхъ стѣхъ подвнзѧлзсѧ ѣсн бѡбл҃жнзн ншнфѣ •
н паѹе всѣхъ нмашн дерзновеннѣ кѢ х҃оу [Ibid.: 15 об.].

В приведенном пассаже простые претериты обозначают исторические и физические действия, в то время как перфекты — подвергшийся текущей оценке, общезначимый, в том числе метафизический их смысл.

В известной берестяной грамоте № 605 (кон. XI – 1-я треть XII) также встречаются формы 2 л. ед. числа аориста розгнѣвасѧ (с восточнославянской приставкой) и имперфекта мѣлѣвшѣ рядом с разными формами перфекта, что подчеркивает расхождения в их семантике:

поклананнѣ ѡ ефрѣма кѢ братоу моемоу нсоухнѣ
не распрашавѣ розгнѣвасѧ мене нгоумене не поу-
стнаѣ а ѡ прашалзсѧ нѢ послѧлз съ
асафѣмъ кѢ посадыннкоу медоу дела а прн-
шла есѣѣ олн звоннлн а ѹемоу сѧ гнѣваешн
а ѡ вьсѣгда оу тебе а соромъ мн оже мн лнхѣ
мѣлѣвшѣ н покланѧю тн сѧ братѹе мон
то сн хотѧ мѣлѣн тѢи есн мон а ѡ твон
[Зализняк 2004: 271].

Формы аориста и имперфекта, с одной стороны, и формы перфекта — с другой, несут разную дискурсивно-прагматическую нагрузку. Они оформляют разные сюжетные линии эпистолы. Аорист и имперфект оформляют внешнюю сюжетную канву, связанную с действиями адресата послания, в то время как перфекты описывают действия, относящиеся к автору. Они имеют удостоверительное значение, свидетельствуют о реальном ходе событий в прошлом.

В приведенных примерах из Слова Кирилла Туровского при определенном сходстве представлена более сложная картина, поскольку

простые претериты и перфект относятся к одному и тому же лицу, к которому обращается автор. Подобные контексты являются в определенном смысле ключевыми для прояснения исходной семантики перфекта. Их анализу должно быть посвящено отдельное исследование.

Перфективный имперфект и имперфект на *-ть*

У Кирилла Туровского находим лишь краткие, стяженные разновидности имперфекта¹⁹, при том что изредка встречаются нестяженные формы прилагательных и причастий: *нынѣшънаго н боудущаго бесконъунаго вѣка* [СбТ XIII₂, 4 об.], *нн въздаша хвалы бѣн · въззвнгноу възшоомоу раслабленаго ѿ одра немощн* [Ibid.: 20 об.] и др.²⁰

В Слове “О расслабленном” Кирилла Туровского, как и в гомилии, посвященной этому же евангельскому чтению в старославянской Супрасльской рукописи (далее — Супр.), встречаются формы перфективного имперфекта, в отличие от самого евангельского чтения, однако они связаны с разными глаголами²¹. В то же время весьма показательно, что сама по себе дискурсивно-прагматическая природа этого пассажа способствовала включению в него имперфектов от перфективных основ²². Сравним (надстрочные знаки, кроме титла, опущены):

с ѿ нн дѣ аше тамо реуе ангелъ н
възмжштааше водѣ · н нже бн възвзла
по възмжштени воды · наслаждааше са
нцѣленыа · сннде ангельскъин владыка въз
їорданьскыа воды · н свѣтнвъ водноне
нестество въсѣ възселенжж нсцѣлаъ · сего
радн · тамо оубо · нже снндѣ аше
по прѣвъѣмъ · оуже не нцѣлаше
[Супр 248 об.]

негоже н крауеке небръгома створнша ·
негоже пр е з р а х о у възмѣтающен въз
купель · негда бо въззмоут ашетъ с а
вода · всен ѿ бѣтъхъ пекоущеса · сдравнн
сего ѿрѣаху [СбТ XIII₂, 16 об.];

ангъл бо гнъ прнходѣ възмоущаше водоу
· н по възмоущенинн первое възвздын цѣла
взикаше · сн же бѣ ѿбразъ стго крѣпннн
· понеже не всегда нцѣлаше · нъ негда ю
ангъл въззмут аше [17]

Оригинальный характер перфективных имперфектов в Слове Кирилла

¹⁹ *Соф* — Софийский пролог (РНБ, Соф. 1324, л. 1–160, XII–XIII вв.).

²⁰ Аналогичные формы отмечаются в Троицком сборнике XII–XIII вв.: *ннцѣшомоу, спадашомоу* [Паймина 2012: 19]. В нашем случае чтение, однако, не совсем ясное: возможно, *въззвнгноу възшоомоу*. Аналогичные формы отмечаются в Изборнике 1073 года, 16 г *въшшесомоу* и в Архангельском евангелии 1092, 24 об. *просѣшесомоу*, 51 об. *нмшесомоу* [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 102].

²¹ О перфективном имперфекте в старославянском [Жолобов 2016].

²² “Наиболее справедливой представляется поэтому гипотеза, согласно которой дискурсивное использование грамматических механизмов в естественных языках в основном осуществляется с целью разграничить разные типы пассажей” [Плунгян 2008: 20].

Туровского подчеркивается употреблением основы без чередования с дополнительным окончанием -ть: възмута^ашеться, възмута^аше. Рядом выше употребляется и ожидаемая форма с чередованием при глаголе възмута^{тн}ти: възмута^аше. Очевидно, именно имперфекты от глаголов на -тн и стали основным источником имперфективных основ с чередованием, которые, таким образом, сохраняют двойную соотнесенность — с исходным перфективным глаголом и новым — имперфективным (сравним: наслажда^аше с^а, нцѣла^аше и под.). См. также мысла^аше [СбТол XIII₂, 4]; льста^аше [Ibid.: 40].

Полная самостоятельность Кирилла Туровского при употреблении имперфекта проявляется и в другом: у него находим имперфект-гапакс с полногласием полока^аху “полоскали”²³ при разъяснении гебраизма в^нфезда, которое является уникальным в древнеславянской письменности:

того ради при мнозѣ прѣде народѣ • къ солмонн вододѣръжн • нже нарнца^аеться
в^нфезда • срѣвѣ овьва коупель • понеже тоу полока^аху жьртвѣнзыхъ
овець оутробы [СбТол XIII₂, 17].

Употребляется перфективный имперфект со вторым полногласием и со значением завершеного дистрибутивно-кратного действия “никак не умолкнут, все не умолкали”: нз жндове не оумзлзкн^аху г^аше • кто
късть нцѣлнзын та въз соуботоу [СбТол XIII₂, 21 об.]. См. также законченное дистрибутивно-кратное значение: н все се сдѣва^аху жндовьскыи старѣн-
шныи • нз завнсть не да^аше нмз познати б^ни бл^атн [СбТол XIII₂, 27 об.]. Сравним имперфект с имперфективной основой однокоренного глагола: н на^аша г^атн всѣмн яззыки • якоже д^ахъ да^аше нмз провѣщати [СбТол XIII₂, 46 об.].

Как и в других древнерусских оригинальных текстах, в Словах Кирилла Туровского употребляются формы имперфекта на -ть, не ограниченные какими-либо особыми морфосинтаксическими условиями:

егоже с^номь б^ннемь нарнца^ахуть кннжннцн [СбТол XIII₂, 8 об.]; сзбнра-
х^ауться въз нѣр^амз [Ibid.: 16 об.]; не вѣрова^ахуть юмоу • нз протнкоу
бл^атн х^аулатъ [Ibid.: 16 об.]; юже н нѣса повѣда^ахуть звѣздоу [Ibid.: 31 об.];
Нмѣашеть же съ собою г^а [Ibid.: 35 об.].

Литургический, “редуцированный” тип употребления имперфектов с дополнительным окончанием почти исключительно перед новой энклитикой н “его” для избежания неблагозвучных сочетаний автору Слов также хорошо знаком: сзрѣта^ахутн н [СбТол XIII₂, 9 об.] (с ранним южнорусским обозначением фонетического изменения -ть н > -тн н)

²³ Ср. праслав. **polkati*, **polskati* и ст.-сл. плакатн, укр. *полóкати* ‘полоскать’ [ФАСМЕР, 3: 315].

[Жолобов 2015] и др.

Как по употреблению перфективных имперфектов, так по использованию имперфектов на -ть проповеди Кирилла Туровского сближаются со Словом о полку Игореве (см. в “Слове о полку Игореве” [Зализняк 2008: 94–106]).

Рефлексивы с препозиционной энклитикой *са*

В Словах Кирилла Туровского обнаруживается вакернагелевское употребление энклитики *са*, связанной с развитием категории рефлексивности, как в “Слове о полку Игореве” и других ранних источниках [Зализняк 2008: 54 и сл.]:

како ти *са* брате жнлы оукрѣпнша · н телеснзиа оудн оутвърднша [СбТол XIII₂, 20 об.]²⁴; нз да *са* икати дѣла бнѣа на немь [IBID.: 26]; Нз жндске *са* на блгтла гнѣвають [IBID.: 26 об.]; да *са* прославнть бѣ въ свѣтъ стѣхъ сконхъ [IBID.: 39 об.]; что *са* вамъ мннть ш хѣ [IBID.: 40].

В первом примере энклитика относится к двум последующим глаголам. А. А. Зализняк [2008: 68] отмечает: “Одно *са* на два возвратных глагола встречается крайне редко и только в текстах, сочиненных или переведенных очень рано”.

Перфект

В Словах Кирилла Туровского большой частотностью отличаются формы перфекта. Их примерно в четыре раза больше, чем в ЖФП XII, сравнимом по объему. Они обладают разнообразной семантикой, словно бы иллюстрируя выводы работы [LINDSTEDT 2000: 378], которые требуют проверки:

Although expressing the current relevance of a past situation is the central and prototypical meaning of the perfect, I know of no perfects that only have this function. I propose the following tentative universal: *If a gram has the CR meaning, it also has at least one of the following meanings: resultative; experiential (indefinite past); inferential; reportative*²⁵.

А. А. Зализняк [2008: 108] отмечает в связи с этим: “Упрощенно говоря, аорист указывает просто на действие в прошлом, а перфект — на состояние, наступившее в результате действия в прошлом”. Рядом с аористом, обозначающим исторический, физический факт, перфект оказывается необходим как своего рода экзегетический инферентив, чтобы оценить

²⁴ И = В. п. вместо И. п. телесннн.

²⁵ CR = current relevance.

и вскрыть текущий общезначимый и надфизический смысл действия: *Крѣвь с водою нздребръ н ст о у н · нмаже телесною всю сквѣрною шунствѣ н дша ѹлва о с т н л з ѣ ст ь* [СбТол XIII₂, 13]. Таким образом, перфект у Кирилла значим именно в связи с его исконным традиционным значением, которое Кирилл наделяет новыми, свежими обертонами, демонстрируя исконную смысловую подвижность перфекта. Поскольку связочный глагол *ѣсть* и *под.* имел двойное значение существования или утверждения сущности чего-либо, перфект зачастую обслуживал текущую смысловую оценку фактов прошлого вместе со свидетельствованием о них. Перфектные формы в проповеднических источниках должны быть рассмотрены в отдельной статье.

Общие выводы

Обращает на себя внимание большое число сходжений в языке проповедей Кирилла Туровского со Словом о полку Игореве, в том числе в тех случаях, где характеристики Слова рассматривались как уникальные. Эта тема требует дальнейшего изучения. Схождения имеются также с паримейником и ранними древнерусскими текстами. Данные сходжения свидетельствуют о системном статусе ряда явлений в грамматике глагола, несмотря на их особый, неординарный характер, обусловленный особенностями дискурсивно-прагматической природы текстов.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
BN	Biblioteka Narodowa (Warszawa)
NUK	Narodna in univerzitetna knjižnica (Ljubljana)

Библиография

Источники и электронные коллекции

Григ XII/XIII

РГБ, Григ. 2, 104 л., Григоровичев паримейник XII–XIII вв., по изд.: РИБАРОВА З., ХАУПТОВА З., Григоровичев паримейник, 1: Текст со критички аппарат, Скопје, 1998.

ЖФП XII

Житие Феодосия Печерского, л. 26–67, по изд.: КНЯЗЕВСКАЯ О. А., ДЕМЬЯНОВ В. Г., ЛЯПОН М. В., изд., *Успенский сборник XII–XIII вв.*, ред. С. И. Котков, Москва, 1971.

Зах 1271

РНБ, Q.п.1.13. 264 л., Захариинский паримейник, 1271 г., по интернет-изданию: ЖОЛОбОВ О. Ф., КУЗОВЕНКОВА А. И., “Захариинский паримейник 1271 г.” [Манускрипт

2004–2017].

МАНУСКРИПТ 2004–2017

Портал “Манускрипт”, Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, Ижевск, 2004–2013; Кафедра лингвистики ИЖГТУ, Ижевск, 2005–2017 (<http://manuscripts.ru/>; последнее обращение 12.07.2017).

СбТол XIII₂

РНБ, Из собр. Ф. А. Толстого, Ф.п.І. 39. 184 л., Сборник Слов и поучений, втор. пол. XIII в.

Тр XIV₂

РГБ, ф. 304.І (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 4, 142 л., Паримейник, втор. пол. XIV в., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., Кузовенкова А. И., “Паримейник втор. пол. XIV в.” [МАНУСКРИПТ 2004–2017].

Супр

ВН, ВОЗ (Собрание Замойских), № 21, 151 л., NUK, Cod. Кор. 2, 118 л., РНБ, Q.п.72, 16 л., Супрасльская рукопись, XI в., 285 л., по интернет-изданию: Рябова-Чернова Е. В., “Миняя четья на март, сер. XI в., старослав.” [МАНУСКРИПТ 2004–2017].

Литература

БАРАНКОВА 2010

БАРАНКОВА Г. С., “Текстология и язык «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского”, in: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009)*, Москва, 2010, 313–354.

——— 2017

БАРАНКОВА Г. С., “Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского”, in: *Седьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Тезисы*, Москва, 2017, 5–8.

БАРАНКОВА, МАКЕЕВА 2013

БАРАНКОВА Г. С., МАКЕЕВА И. И., “Повествовательные произведения Кирилла Туровского и проблемы русского литературного языка”, in: *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов, Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 52–81.

БОНДАРКО 2005

БОНДАРКО А. В., “Настоящее историческое глаголов совершенного и несовершенного вида в славянских языках”, in: ИДЕМ, *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*, Москва, 2005, 425–608.

ВАЙАН 1952

ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

ВАН-ВЕЙК 1957

ВАН-ВЕЙК Н., *История старославянского языка*, Москва, 1957.

ВИНОГРАДОВ 1915

ВИНОГРАДОВ В. П., *Уставные чтения: Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы*, 3, Сергиев Посад, 1915.

ГАСПАРОВ 2000

ГАСПАРОВ Б. М., *Поэтика “Слова о полку Игореве”*, Москва, 2000.

ГИППИУС 2009

ГИППИУС А. А., “«Рекоша дружина Игореву. . . —3». Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи)”, *Palaeoslavica*, 17/2, 2009, 248–287.

ДВИНЯТИН 1996

ДВИНЯТИН Ф. Н., “Лингвопоэтический анализ Торжественных слов св. Кирилла

- Туровского” (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, С.-Петербург, 1996).
- Жолобов 2012
Жолобов О. Ф., “О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках”, *Русский язык в научном освещении*, 1 (23), 2012, 194–231.
- 2015
Жолобов О. Ф., “О древнерусском имперфекте”, *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 157/5, 2015, 28–35.
- 2016
Жолобов О. Ф., “От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте”, *Вопросы языкознания*, 3, 2016, 64–80.
- Зализняк 1985
Зализняк А. А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985.
- 2004
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.
- 2008
Зализняк А. А., “Слово о полку Игореве”: *взгляд лингвиста*, 3-е изд., Москва, 2008.
- Ильинский 1900
Ильинский Г. А., “Из истории старославянского аориста”, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 5/1, 1900, 191–203.
- Камчатнов 2004
Камчатнов А. М., “Форма аориста *рече* как знак цитации в древнерусских текстах”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (15), 2004, 14–16.
- Колесов 1981
Колесов В. В., “К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 36, Ленинград, 1981, 37–49.
- Копотев 2014
Копотев М. В., “Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика?”, in: С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская, ред., *Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы* (= *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 10/2), С.-Петербург, 2014, 712–740.
- Крысько 2011
Крысько В. Б., “Морфологические особенности житийной части Софийского пролога”, in: В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский, изд., *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль, 2: Исследования*, Москва, 2011, 798–837.
- Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006
Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б., *Прилагательные* (= *Историческая грамматика древнерусского языка*, 3), Москва, 2006.
- Левшун 2011
Левшун Л. В., *История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв.*, Минск, 2001.
- Новикова 2016
Новикова М. В., “Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв.” (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2016).
- Паймина 2012

- ПАЙМИНА О. С., “Языковые особенности Троицкого сборника XII–XIII вв.” (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Казань, 2012).
- Пичхадзе 2008
Пичхадзе А. А., “Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика)”, in: *Письменность, литература и фольклор славянских народов / XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*, Москва, 2008, 152–172.
- 2011
Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.
- Плунгян 2008
Плунгян В. А., “Предисловие: дискурс и грамматика”, in: В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева, ред., *Исследования по теории грамматики, 4: Грамматические категории в дискурсе*, Москва, 2008, 7–36.
- 2011
Плунгян В. А., *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва, 2011.
- Рогачевская 1999
Рогачевская Е. Б., *Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования*, Москва, 1999.
- Сводный каталог 1984
Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв., Москва, 1984.
- Срезн., 1–3
Срезневский И. И., *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1903.
- СлРЯ XI–XVII, 1–30
Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.
- Сухомлинов 1958
Сухомлинов М., *Рукописи графа А. С. Уварова*, 2, С.-Петербург, 1858.
- Творогов 1987
Творогов О. В., “Кирилл, епископ Туровский”, in: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI – первая половина XIV в., Ленинград, 1987, 217–221.
- Трапезникова 2011
Трапезникова О. А., “Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале Торжественных слов Кирилла Туровского)”, *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 3 (105), 2011, 27–33.
- ФАСМЕР, 1–4
ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 3-е изд., стер., Москва, 1996.
- Черторицкая 1984
Черторицкая Т. В., “Стилистическая симметрия и архитектоника торжественных слов Кирилла Туровского”, in: *Вопросы сюжета и композиции*, Горький, 1984, 20–25.
- Юрьева 2009
Юрьева И. С., “Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.” (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 2009).
- FRIEDMAN 1986
FRIEDMAN V. A., “Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian,”

- in: W. CHAFE, J. NIKOLS, ed., *Evidentially: The Linguistic Coding of Epistemology*, Norwood (NJ), 1986, 68–87.
- KOCH 1990
 KOCH C., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums* (= Münchner Universitäts-Schriften, Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/1), München, 1990.
- LINDSTEDT 2000
 LINDSTEDT J., “The Perfect—Aspectual, Temporal, and Evidential,” in: Ö. DAHL, ed., *Tense and Aspect in the Language of Europe*, Berlin, New York, 2000, 365–383.
- REINHART 1988
 REINHART J., Eine Innovation bei der Aoristbildung im Kroatisch-Glagolitischen, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 48/2, 1988, 298–303.
- SJS, 1–4
Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1956–1997.
- ZHOLOBOV 2014
 ZHOLOBOV O., “On Reflexes of *ti-* and *t-*forms of Verbs in Ancient Russian,” *Russian Linguistics*, 38/1, 2014, 121–163.
- 2016
 ZHOLOBOV O., “The Synthetic Indicative in Cyril and Methodius’ Sources (The Internet Edition of the Paroemiarion Zacharianum Dating from 1271),” *Russian Linguistics*, 40/1, 2016, 153–172.
- ŽOLOBOV 2016
 ŽOLOBOV O., “Present Tense Forms Variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (To the Parchment Internet-edition),” *Zeitschrift für Slawistik*, 61/2, 2016, 305–321.

References

- Barankova G. S., “Tekstologija i jazyk ‘Povesti o bespechnom tsare i mudrom sovetnike’ Kirilla Turovskogo,” in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka (2006–2009)*, Moscow, 2010, 313–354.
- Barankova G., “Originality and Adoption in the works of Cyril of Turov,” in: *Sed'mye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniia. Tezisy*, Moscow, 2017, 5–8.
- Barankova G. S., Makeeva I. I., “Povestvovatel'nye proizvedeniia Kirilla Turovskogo i problemy russkogo literaturnogo jazyka,” in: *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 2013, 52–81.
- Bondarko A. V., *Teoriia morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniia*, Moscow, 2005.
- Chertoritskaya T. V., “Stilisticheskaia simmetriia i arkhitektonika torzhestvennykh slov Kirilla Turovskogo,” in: *Voprosy siuzheta i kompozitsii*, Gorky, 1984, 20–25.
- Friedman V. A., “Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian,” in: W. Chafe, J. Nikols, ed., *Evidentially: The Linguistic Coding of Epistemology*, Norwood (NJ), 1986, 68–87.
- Gasparov B. M., *Poetika “Slova o polku Igoreve”*, Moscow, 2000.
- Gippius A. A., “‘Rekosha drouzhina Igorevi. . . —3.’ Otvét O. B. Strakhovoi (Eshche raz o lingvisticheskoj stratifikatsii Nachal'noi letopisi),” *Palaeoslavica*, 17/2, 2009, 248–287.
- Kamchatnov A. M., “Forma aorista *reche* kak znak tsitatsii v drevnerusskikh tekstakh,” *Drevnyaya Rus—Voprosy Medievistiki*, 1 (15), 2004, 14–16.
- Koch C., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums* (= Münchner Universitäts-Schriften, Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/1), München, 1990.
- Kolesov V. V., “K kharakteristike poeticheskogo stilia Kirilla Turovskogo,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 36, Leningrad, 1981, 37–49.
- Kopotev M. V., “The Ways to Re-narrate: Development of the Reported Speech Markers in Russian,” in: S. S. Say, S. A. Ovsjannikova, S. A. Oskolskaya, eds., *Acta Linguistica Petropolitana*, 10/2, St. Petersburg, 2014, 712–740.
- Krysko V. B., “Morfologicheskie osobennosti zhitiinoi chasti Sofiiskogo prologa,” in: V. B. Krysko, L. V. Prokopenko, V. Zhelyazkova, I. M. Ladyzhenskii, A. M. Pentkovskiy, eds., *Slaviano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar', 2: Issledovaniia*, Moscow, 2011, 798–837.
- Kuznetsov A. M., Iordanidi S. I., Krysko V. B., *Prilagatel'nye* (= Istoricheskaja grammatika drevnerusskogo jazyka, 3), Moscow, 2006.

- Levshun L. V., *Istoriia vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vv.*, Minsk, 2001.
- Lindstedt J., “The Perfect—Aspectual, Temporal, and Evidential,” in: Ö. Dahl, ed., *Tense and Aspect in the Language of Europe*, Berlin, New York, 2000, 365–383.
- Pichkhadze A. A., “Iuzhnoslavianskie traditsii v drevnerusskoi pis'mennosti (leksika i grammatika),” in: *Pis'mennost', literatura i fol'klor slavianskikh narodov / XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 2008, 152–172.
- Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskie aspekty*, Moscow, 2011.
- Plungian V. A., “Predislovie: diskurs i grammatika,” in: V. A. Plungian, V. Yu. Gusev, A. Yu. Urmanchieva, eds., *Issledovaniia po teorii grammatiki, 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse*, Moscow, 2008, 7–36.
- Plungian V. A., *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira*, Moscow, 2011.
- Reinhart J., Eine Innovation bei der Aoristbildung im Kroatisch-Glagolitischen, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 48/2, 1988, 298–303.
- Rogachevskaya E. B., *Tsiki molitv Kirilla Turovskogo: Teksty i issledovaniia*, Moscow, 1999.
- Trapeznikova O. A., “Citation as Actualisator of the Author's Intention in Old Russian Text (Data of Kirill Turov's Speech),” *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3 (105), 2011, 27–33.
- Tvorogov O. V., “Kirill, episkop Turovskii,” in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 217–221.
- Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.
- Van Wijk N., *Istoriia staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 1957.
- Vasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, 1–4, transl. and add. by O. N. Trubachev, 3rd ed., Moscow, 1996.
- Zaliznyak A. A., *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*, Moscow, 1985.
- Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.
- Zaliznyak A. A., “Slovo o polku Igoreve”: *vzgliad lingvista*, 3rd ed., Moscow, 2008.
- Zholobov O. F., “On Reflexes of the Injunctive in Old Russian Literary Sources,” *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (23), 2012, 194–231.
- Zholobov O., “On Reflexes of *ti-* and *t-*forms of Verbs in Ancient Russian,” *Russian Linguistics*, 38/1, 2014, 121–163.
- Zholobov O. F., “On the Old Russian Imperfect,” *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta (Proceedings of Kazan University)*, 157/5, 2015, 28–35.
- Zholobov O. F., “From Proto-Slavic to Old Church Slavonic: On Perfective Imperfect,” *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2016, 64–80.
- Zholobov O., “The Synthetic Indicative in Cyril and Methodius' Sources (The Internet Edition of the Paroemiaron Zacharianum Dating from 1271),” *Russian Linguistics*, 40/1, 2016, 153–172.
- Zholobov O., “Present Tense Forms Variability in the Paroemiaron Zacharianum d. 1271 (To the Parchment Internet-edition),” *Zeitschrift für Slavistik*, 61/2, 2016, 305–321.

Acknowledgments

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 15-04-00283.

проф. Олег Феофанович Жолобов, д. филол. наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики
420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Россия/Russia
ozolobov@mail.ru

Received February 19, 2017